

В Синьцзяне, кажется, все блюда сводились к «трём классическим»: жареная баранина да тушёные кости — неперменные гости на каждом столе, да и прочие кушанья так или иначе были связаны с говядиной и бараниной. К счастью, овощных закусок тоже хватало, так что Лин Цзыхань мог хоть что-то есть. Впрочем, по словам Лин Цзина, именно в этом заведении жареная баранина, тушёные кости и обжаренные в воке говяжьи полоски были настоящим шедевром, потому-то сюда и ломился народ. Лин Цзыхань слушал, улыбаясь и кивая.

Они ели и непринуждённо беседовали, как вдруг снаружи донёсся громкий шум. Даже сквозь закрытую дверь кабинета всё было слышно отчётливо.

— Твою мать, стерва! Я тебе честь оказываю, а ты нос воротишь! Пригласил выпить — иди и радуйся, а ты, сука, важничаешь! Ты хоть знаешь, с кем говоришь?.. — Кричал мужчина с чистейшим пекинским выговором, явно столичный уроженец.

Его ругань подхватывали и другие голоса.

— Вот именно! Глаза-то раскрой! Это же первый аристократ всей столицы! С ним будешь — на какой-то ресторанчик забудешь! Жить будешь в шоколаде!

— Ну давай, как тебя... Гуль? Ты же хозяйка, должна понимать, как гостей принимать!

— Ага, просто выпить с нами, а не в постель зовём!..

Раздался громкий, развязный хохот.

Лин Цзин резко встал. Лицо его почернело от ярости, и он уже направился к выходу.

Лин Цзыхань не двинулся с места, лишь тихо сказал:

— Лин, не горячись.

Ло Цяньцю лишь бросил на него беглый взгляд, не проронив ни слова.

— Здесь Урумчи, а не Пекин, — холодно произнёс Лин Цзин. — Эти ублюдки должны понимать, где позволяют себе похабничать. — С этими словами он быстрыми шагами подошёл к двери, распахнул её и вышел.

Прямо у входа в соседний роскошный кабинет толпилась группа людей. Лин Цзин с первого взгляда узнал местных золотых молодчиков. Отцы у них были кто богат, кто властен, и вели себя они всегда нагло. Сейчас же они, словно свита, обступали высокого, слегка полноватого парня. Тот был в яркой рубашке цвета «осеннего аромата» и тёмно-серой куртке от Valentino, чёрные волосы уложены безупречно. Вытянув шею, он продолжал орать на Гуль.

Гуль была в полной растерянности. Несколько подросевших охранников стояли в стороне, не решаясь вмешаться. Этих молодых людей они знали и лишний раз соваться не хотели.

Лин Цзин раздвинул толпу и протиснулся вперёд. Холодным взглядом окинув разбушевавшегося толстяка, он произнёс:

— Господин, потише, пожалуйста. Из-за вашего хамства у меня совсем аппетит пропал. Вы готовы возместить ущерб?

Тот опешил, оглядел Лин Цзина с ног до головы и фыркнул с презрением:

— Хм! Мелкий полковник, и тоже языком чешешь? Видать, тут в глуши и людей-то нет! В Пекине попробовал бы — генералов на каждом углу, тебе бы и слова не дали!

— Хозяин, идите по своим делам, — кивнул Лин Цзин Гуль. — Раз уж мы не в столице, а на границе, я сам поговорю с этим господином.

Гуль, словно сбросив тяжкий груз, поспешила удалиться.

— Эй, я ещё не разрешил уходить! — завопил тот и бросился её догонять.

Лин Цзин схватил его за руку:

— Господин, нам, похоже, действительно нужно поговорить.

Тот взбеленился:

— Ты, жалкий полковничка, смеешь меня хватать?! Ты хоть знаешь, кто я?! — Он попытался вырваться.

Рука Лин Цзина сжалась, словно стальные тиски.

— Я как раз хочу это выяснить. Кто вы?

Парень, всё больше злясь, попытался оттолкнуть его:

— Эй, отпусти, сука! На мне костюм за тридцать тысяч — тебе его не оплатить!

Лин Цзыхань, слушая этот диалог, лишь покачал головой. Этот наглец, угодив в лапы к Лин Цзину, продолжал хорохориться — видно, жаждал серьёзных неприятностей. Голос показался ему знакомым, наверняка кто-то из так называемого «высшего круга» Пекина. Подумав об этом, он и вовсе не захотел выходить.

Ло Цяньцю, прислушиваясь к происходящему, тоже усмехнулся, спокойно взял шампур и принялся есть жареную баранину.

И точно: прошло совсем немного времени, и высокий толстяк не выдержал, закричав от боли:

— Твою мать! Что ты делаешь?! Убить хочешь?!

Большинство окружающих знали Лин Цзина и его нрав, заслуживший прозвище «Дикий волк», и предпочитали помалкивать. Лишь теперь, когда дело, казалось, шло к смертоубийству, они опомнились и кинулись разнимать: кто тянул толстяка, кто пытался разжать руку Лин Цзина.

Лин Цзин стоял недвижимо, с лёгкой усмешкой на губах, позволяя себя толкать и дёргать.

— Я всё ещё жду ответа. Кто вы такой? — произнёс он неторопливо. — Надеюсь, вы не поскупитесь на объяснения.

Рука толстяка уже онемела от боли. С трудом сдерживая крик, он буркнул одному из молодых людей:

— Сяо Гао! Объясни-ка этому деревенщине, кто я такой!

Сяо Гао, судя по всему, тоже был столичным, в дорогом костюме и с наглой физиономией.

— Слушай сюда! Он — сын заместителя министра торговли! Приехал в Синьцзян с инспекцией! Ты ответишь за свои действия! Из-за тебя могут сорваться инвестиции на миллиарды — врагом народа станешь!

Лин Цзин лишь усмехнулся:

— Государство доверит миллиарды такому, как он? Хватит врать.

Молодой человек, не в силах больше терпеть боль, стал оседать на пол, его крики становились всё громче и отчаяннее.

Сяо Гао, видя, что Лин Цзин не ведётся, запаниковал, достал телефон и набрал 110, заявив, что в ресторане Гуль совершают убийство.

Лин Цзина уже достали эти назойливые мажоры. Он сделал движение, будто собирается ударить, — и те, оробев, поспешно отпрянули.

Лин Цзыхань взглянул на Ло Цяньцю и тихо спросил:

— Нам стоит выйти и вмешаться?

— Не стоит, — равнодушно ответил Ло Цяньцю. — Таких надо проучить.

Лин Цзыхань больше не настаивал.

Всего через три минуты с рёвом подъехал полицейский мотоцикл. Двое патрульных прыгнули на землю и быстро вошли внутрь. Увидев Лин Цзина, они слегка опешили, но тут же подошли и вежливо сказали:

— Лин, отпустите его, пожалуйста.

Лин Цзин наконец разжал руку. Молодой человек, не обращая внимания на свой дорогой костюм, повалился на пол, обхватив руку и постанывая.

— Что здесь произошло? — вежливо осведомился полицейский.

Большинство присутствующих они знали в лицо, и ни одну из сторон обидеть не хотели. Один из офицеров тут же позвонил начальству, чтобы доложить ситуацию.

Сяо Гао же уже вскочил, тыча пальцем в Лин Цзина:

— Это он! Он хотел убить сына министра Цзиня!

Полицейский едва сдержал улыбку:

— Господин, вы, наверное, впервые в Урумчи?

— Ну и что? Местный протекционизм, да? — Сяо Гао выпятил грудь, не сбаывая спеси.

Молодой полицейский усмехнулся:

— Господин, этот офицер — знаменитый Лин Цзин, он же «Дикий волк». Он убивает только террористов, мирных граждан никогда не трогает.

Лежащий на полу молодой человек, услышав это, взбесился. С трудом поднявшись, он закатал рукав, демонстрируя синяк:

— Это что?! Это не повреждение?! Ты что, намекаешь, будто я террорист?!

— Вот именно! — подхватил Сяо Гао, ору во всё горло. — Мы не простые люди! Он — сын министра, аристократ!

Полицейский взглянул на синяк — отрицать факт причинения вреда было нельзя — и перевёл взгляд на Лин Цзина:

— Лин, не объясните, в чём дело?

Хмурое, отрешённое лицо Лин Цзина оставалось холодным. Он окинул взглядом компанию мажоров:

— Спросите для начала этого господина, что он тут делал.

Полицейский снова посмотрел на толстяка.

Тот с вызовом заявил:

— Я позвал хозяйку выпить со мной. Это что, противозаконно?

Полицейский сразу всё понял. Он помедлил, затем вежливо спросил:

— Так... господин, что вы намерены делать?

<http://bllate.org/book/16287/1469042>